

В вагоне — эпизод 1 из 2

Почтовый поезд номер такой-то мчится на всех парах от станции Веселый Трах-Тарарах до станции Спасайся, кто может!. Локомотив свистит, шипит, пыхтит, сопит... Вагоны дрожат и своими неподмазанными колесами воют волками и кричат совами. На небе, на земле и в вагонах тьма... Что-то будет! что-то будет! стучат дрожащие от старости лет вагоны... Огого-гого-о-о! подхватывает локомотив... По вагонам вместе с карманолюбцами гуляют сквозные ветры. Страшно... Я высовываю свою голову в окно и бесцельно смотрю в бесконечную даль. Все огни зеленые: скандал, надо полагать, еще не скоро. Диска и станционных огней не видно... Тьма, тоска, мысль о смерти, воспоминания детства... Боже мой!

Грешен!! шепчу я. Ох, как грешен!..

Кто-то лезет в мой задний карман. В кармане нет ничего, но все-таки ужасно... Я оборачиваюсь. Предо мной незнакомец. На нем соломенная шляпа и темно-серая блуза.

Что вам угодно? спрашиваю я его, ощупывая свои карманы.

Ничего-с! Я в окно смотрю-с! отвечает он, отдергивая руку и налегая мне на спину.

Слышен сиплый пронзительный свист... Поезд начинает идти всё тише и тише и наконец останавливается. Выхожу из вагона и иду к буфету выпить для храбрости. У буфета теснится публика и поездная бригада.

Гм... Водка, а не горько! говорит солидный обер-кондуктор, обращаясь к толстому господину. Толстый господин хочет что-то сказать и не может: поперек горла остановился у него годовалый бутерброд.

Жиндаррр!!! Жиндарррр!!! кричит кто-то на платформе таким голосом, каким во время оно, до потопа, кричали голодные мастодонты, ихтиозавры и плезиозавры... Иду посмотреть, в чем дело... У одного из вагонов первого класса стоит господин с кокардой и указывает публике на свои ноги. С несчастного, в то время когда он спал, стащили сапоги и чулки...

В чем же я поеду теперь? кричит он. Мне до Ррревеля ехать! Вы должны смотреть!

Перед ним стоит жандарм и уверяет его, что здесь кричать не приходится...

Иду в свой вагон 224. В моем вагоне всё то же: тьма, храп, табачный и сивушный запахи, пахнет русским духом. Возле меня храпит рыженький судебный следователь, едущий в Киев из Рязани... В двух-трех шагах от следователя дремлет хорошенькая... Крестьянин, в соломенной шляпе, сопит, пыхтит, переворачивается на все бока и не знает, куда положить свои

длинные ноги. Кто-то в углу закусывает и чамкает во всеуслышание... Под скамьями спит богатырским сном народ. Скрипит дверь. Входят две сморщенные старушонки с котомками на спинах...

Сядем сюда, мать моя! говорит одна. Темень-то какая! Искушение да и только... Никак наступила на кого... А где Пахом?

Пахом? Ах, батюшты! Где ж это он? Ах, батюшты!

Старушонка суется, открывает окно и осматривает платформу.

Пахо-ом! дребезжит она. Где ты? Пахом! Мы тутотко!

У меня беда-а! кричит голос за окном. В машину не пускают!

Не пускают? Который это не пускает? Плюнь! Не может тебя никто не пустить, ежели у тебя настоящий билет есть!

Билеты уже не продают! Касс заперли!

По платформе кто-то ведет лошадь. Топот и фыркание.

Сдай назад! кричит жандарм. Куда лезешь? Чего скандалишь?

Петровна! стонет Пахом.

Петровна сбрасывает с себя узел, хватает в руки большой жестяной чайник и выбегает из вагона. Бьет второй звонок. Входит маленький кондуктор с черными усиками.

Вы бы взяли билет! обращается он к старцу, сидящему против меня.

Контролер здесь!

Да? Гм... Это нехорошо... Какой?.. Князь?

Ну... Князя сюда и палками не загонишь...

Так кто же? С бородой?

Да, с бородой...

Ну, коли этот, то ничего. Он добрый человек.

Как хотите.

А много зайцев едет?

Душ сорок будет.

Ннно? Молодцы! Ай да коммерсанты!

Сердце у меня сжимается. Я тоже зайцем еду. Я всегда езжу зайцем. На железных дорогах зайцами называются гг.пассажиры, затрудняющие разменом денег не кассиров, а кондукторов. Хорошо, читатель, ездить зайцем! Зайцам полагается, по нигде еще не напечатанному тарифу, 75% уступки, им не нужно толпиться около кассы, вынимать ежеминутно из кармана билет, с ними кондуктора вежливее и... всё что хотите, одним словом!

Чтоб я заплатил когда-нибудь и что-нибудь!? бормочет старец. Да никогда! Я плачу кондуктору. У кондуктора меньше денег, чем у Полякова!

Дребезжит третий звонок.

Ах, матушки! хлопчет старушонка. Где ж это Петровна? Ведь вот уж и третий

звонок! Наказание божие... Осталась! Осталась бедная... А вещи ее тут... Што с вещами-то делать, с сумочкой?